

поссесивный суффикс третьего лица языков мари и коми, где выполняет фактически не притяжательную, но деиктическую функцию¹ и, следовательно, можно отнести за счет финно-угорского влияния².

Структурно и, частично, и семантически конструкции типа русск. *сизю бывало, гляжу бывало* Б. А. Серебренников сравнивает со сходными аналитическими конструкциями прошедшего времени, характерными для коми-зырянского, удмуртского, марийского, мордовского, татарского и чувашского языков³. Трудно, конечно, сказать, как пло это влияние, но факт сам по себе заслуживает внимания исследователей. То же самое следует сказать и о конструкциях типа *он пришотцы*, встречающихся в северо-западных говорах русского языка и имеющих аналогию в эстонском *ta ond tulnud* и латышском (*viņš ir atnācis*) или же *надо поставить лестница, надо косить трава* (по сравнению с эстонск. *vaja asetada redel, vaja osta raamat*)⁴. Что же касается конструкции типа *это у Вани калоши*, развившейся, как показал П. С. Кузнецов⁵, в некоторых русских говорах, находящихся в окружении коми-пермяцкого языка, можно сказать, что, с одной стороны, это свидетельствует о влиянии адстрата, но в то же время указывает и на воздействие субстратного элемента.

Исчезновение среднего рода, наблюдающееся в южновеликорусских (но отчасти и переходных) говорах нельзя объяснить с помощью субстрата. В связи с тем, что разрушение категории среднего рода обнаруживается по преимуществу в акающих говорах, то причину этого процесса следует искать в редукции безударных гласных в окончаниях⁶. Однако, замена среднего рода мужским в русских говорах Южного Приуралья могла происходить и в результате контакта с башкирским языком⁷.

Переходя сейчас к вопросу о роли субстрата в истории южнославянских языков, необходимо предварительно подчеркнуть, что при освещении этой проблемы следует считаться — помимо другого — с данными балканистики, о которых мы уже упомянули в первой части нашей работы.

Как известно, основные особенности балканских языков были подвергнуты обстоятельному исследованию в книге выдающегося датского лингвиста Кр. Сандфельда, вышедшей в свет более 30 лет тому назад⁸. С тех пор наши знания в этой области значительно обогатились, бла-

¹ См. Б. А. СЕРЕБРЕННИКОВ, «Вопросы языкознания», № 1, 1955, стр. 23.

² См. и мнение Р. Г. ПИОТРОВСКОГО (*Формирование артикля в романских языках*, (выбор формы), Москва — Ленинград, 1960, стр. 106): «Скорее всего северорусское *-то* следует сравнивать с выделительно-анафорическими частицами *-ис*, *-со*, *-то* в коми языке, под влиянием которого и возникло соответствующее употребление северорусского *-то*».

³ *Ук. ст.*, стр. 23.

⁴ См. В. Й. Эрнитс, *Ответы...*, стр. 216. М. А. Соколова (*ук. соч.*, стр. 260—262) более приемлемым считает объяснение, предложенное А. А. Потембей. Это мнение разделяет и П. С. КУЗНЕЦОВ, *Русская диалектология*, изд. III, стр. 124.

⁵ *Ответы...*, стр. 220.

⁶ См. и П. С. КУЗНЕЦОВ, *Русская диалектология*, изд. III, стр. 99.

⁷ См. и мнение П. С. Кузнецова, *ук. соч.*, стр. 100.

⁸ KR. SANDFELD, *Linguistique balkanique. Problèmes et résultats*, Paris, 1930.